

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«МАГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

Наталья Жильцова
«Глория. Пять сердец тьмы»
«Глория. Капкан на четвертого»

Елена Малиновская
«Провинциалка в высшем свете. Дым без огня»

Аня Сокол
«Призраки не умеют лгать»

Ева Никольская
«Зачарованный город N»

Карина Демина
«Голодная Бездна»
«Голодная Бездна.
Дети Крылатого Змея»

Катя Зазовка
«Ворожея»

Алиса Одинцова
«Любовь и мафия»

Сора Наумова,
Мария Дубинина
«Дзюсан. Академия-фантом»

Катерина Зиборова
«Ледяной дракон. Академия выживания»

Екатерина Азарова
«Дом странных снов»

Карина Пьянкова
«Тень за спиной»

Кира Стрельникова
«Агентство “Острый нюх”»

Ольга Романовская
«Девятка мечей. Игра на опережение»
«Маг без диплома»

Ольга Обская
«Научиться быть ведьмой»

Татьяна Зинина
«Первая ведьма»

Елена Лир, Елена
Соловьева
«Точка искажения»

Анна Орлова
«Краткий курс магического права»

Кира Измайлова
«Принцесса с револьвером»

Карина Вальц
«Курс расширенной демонологии»

Лидия Чайка,
Ксения Лестова
«Подарок для князя»

Софья Ролдугина
«Кофейные истории»

Роскофья
ОЛДУГИНА

КОФЕЙНЫЕ
— ИСТОРИИ —

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44
Р67

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ролдугина, Софья.

Р67 Кофейные истории : [роман] / Софья Ролдугина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Магический детектив).

ISBN 978-5-17-103293-7

Добро пожаловать в Великую Аксонскую Империю!

Здесь по улицам славного города Бромли все еще раскатывают кебы и omnibusy, но под землей уже шумит метро. Здесь в переулке можно встретить бродячую гадалку — или благородную графиню, а если отвернется удача — получить ножом в бок. Здесь проходит рубеж веков и за эпохой лошадей наступает век паровозов, а следом уже спешат, подгоняя прогресс нетерпеливыми гудками, первые электромобили.

А в сердце города гостеприимно распахнула двери самая желанная кофейня столицы — «Старое гнездо», только вот ее хозяйке сейчас не до светских развлечений. Чудом пережив покушение, леди Виржиния знакомится с детективом Эллисом — нахалом, грубияном и отнюдь не джентльменом. И теперь уже в ее судьбе начинается новая эпоха, а к худу или к добру — покажет лишь время...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103293-7

© С. Ролдугина, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

КОФЕ С ПЕРЦЕМ И СОЛЬЮ

В медный кофейник с кипящей водой следует засыпать кофе и вновь медленно довести до кипения, пока пена не начнет подниматься воздушными облачками. Закипевший напиток снять с огня и добавить черный перец на кончике чайной ложки, а затем опять вернуть на огонь и снова довести до поднятия пены, повторив сие три раза.

И только после этого добавить щепотку соли и немного сливочного масла. Когда гуща осядет, можно разливать по чашкам.

Этот напиток имеет вкус необыкновенный,
ни на что не похожий.

Будьте смелее — оцените его по достоинству!

И маленькая перчинка может добавить вашей жизни остроты!

Я никогда не верила в колдовство, прорицания, силу медиумов и прочую мистику. На мой — весьма и весьма скептический — непредвзятый взгляд все это можно припечатать одним нехорошим словом: шарлатанство.

И тем не менее назвать свою жизнь свободной от всяческих суеверий я бы не смогла, так как сейчас разговаривала с собственной покойной бабушкой.

Урожденная леди Милдред Валтер, в браке — Эверсан, и после смерти сохранила рациональный и в то же время восторженный взгляд на жизнь, которым славилась смолоду.

— ...Моя милая Гинни, — с той особой, призрачной улыбкой говорила бабушка, покачивая в пальцах любимую курительную трубку. — Не стоит бояться перемен.

Сколько себя помню, старая графиня Эверсан всегда сокращала мое имя только так — до острой, свежей пряности, которую делали из имбирного корня. То, как называли меня родители в надежде смягчить семейный буйный нрав — Энн, «миловид-

ная», и Виржиния, «непорочная», — категорически не нравилось бабушке. О, она-то знала толк в именах! В коротком и веселом «Милдред» сливались воедино «милосердие» и «величие», и я никогда не смогла бы сказать, чего в ней было больше.

— Мы живем в век перемен, дорогая. Не только в быту, да сохраняют нас Святые небеса... — трубка дохнула ароматным дымом, в котором почти не ощущался запах табака, — ...но и в душах человеческих. Меняется все вокруг, милая Гинни. Пора бы измениться и тебе.

Казалось, сама комната вокруг обернулась клубами дыма — уже не различить было ни стен, ни потолка. Лишь все так же сминался под моими пальцами длинный, мягкий ворс альфравского ковра.

— Что вы имеете в виду?

Женский силуэт в туманных клубах рассмеялся залиvisto и хрипловато:

— О, что угодно, Гинни! — Скрипнуло кресло-качалка. — Что угодно! Перемены наступают незаметно. Надо лишь приоткрыть дверь — и они войдут в твой дом сами. Новая шляпка, или служанка, или стрижка, или знакомство — кто знает, что послужит ключом?

— Не понимаю вас, бабушка... — растерялась я. — Конечно, я собиралась посетить парикмахера, но...

Комната пошатнулась — и вдруг завертелась, словно колдовская карусель.

— Ах, Гинни, не торопись, когда-нибудь поймешь. Ты еще так юна... Все впереди, моя дорогая... — Голос ее становился глуше и глуше, переходя в старческое бормотание. — Где моя молодость, где мои девятнадцать лет... Ах, Гинни, Гинни...

На глаза навернулись слезы — то ли от табачного дыма, то ли от смутного ощущения тоски.

— Бабушка! — крикнула я... и очнулась.

И, конечно, обнаружила себя не в роскошном особняке Валтеров на Спэрроу-плейс, а на втором этаже кофейного салона «Старое гнездо». В воздухе витал острый запах мятных капель и нашатыря. Тяжелые темно-бежевые шторы были отдернуты, и сквозь широкие окна в комнату лился солнечный свет и свежий весенний ветер.

— Леди Виржиния, наконец-то! — с облегчением воскликнули рядом. — Мы уж боялись, что придется звать доктора Хэмптона.

Я тотчас же узнала говорящую — да и немудрено, после стольких-то лет знакомства.

— Миссис Хат, — откликнулась я, пытаюсь сесть и оглядеться. Голова все еще немного кружилась. Но благодарение святой Роберте Гринтаунской, освободившей женщин от гнета корсетов и прочих ужасов уходящей эпохи, — дышать было легко, и дурнота постепенно сходила на нет. — Что произошло?

— Ах, леди Виржиния, ну и напугали же вы нас! — повторила немолодая кондитерша, промокнув глаза желтым платком. Именно от миссис Хат густой запах мяты исходил сильнее всего — кажется, мое самочувствие и вправду сильно ее обеспокоило. Льняной фартук смялся, из-под белоснежного чепца выбилась седая прядь, а лицо было мокро от слез. — Лишились чувств прямо на лестнице, хорошо, что Георг шел следом и успел вас подхватить! Видно, сильно подкосили вас похороны старой графини Эверсан... — покачала она головой и добавила сердито: — Уж поверьте, госпожа Милдред не хотела, чтобы вы так убивались по ней.

Скажи это кто-нибудь другой, такие слова можно было бы посчитать бестактными. Но уж миссис Хат имела полное право говорить от лица моей бабушки все, что посчитает нужным. Несмотря на различное положение в обществе, леди Милдред и мисс Роуз с юности связывала крепкая женская дружба, какую редко встретишь в нынешние времена.

А начиналась история весьма печально. Моя неутомная и энергичная бабушка в неполных восемнадцать лет взялась опекать нежный и слабый приютский цветок, Розы Фолк. Тогда это было модно — браться за воспитание детей-сироток и хвастаться в высшем свете своей добродетельностью. Конечно, многие ограничивались пустыми формальностями: передавали приюту деньги да раз в месяц появлялись в обществе вместе с наряженным и умытым по случаю торжественного выхода ребенком. Но леди Валтер никогда не делала что-то лишь наполовину. И поэтому скоро, после оформления надлежащих бумаг, десятилетняя Роуз переехала в особняк на Спэрроу-плейс. В приюте маленькой мисс Фолк приходилось несладко — девочку с мягким характером и чутким сердцем всяк обидеть норовил, и вряд ли бы она дотянула хотя бы до совершеннолетия.

Но под покровительством моей деятельной бабушки, из всех святых больше всего почитавшей Роберту из Грингауна, Роуз расцвела. Она очень привязалась к своей опекунке — до того, что позднее даже последовала за Милдред и ее мужем, графом Эверсаном, в то самое достопамятное кругосветное путешествие, из которого молодая чета вернулась в ореоле славы и всеобщего поклонения. Именно тогда Милдред на приеме в Квин-Арч получила от самой Катарины Четвертой особое королевское разрешение — ей, графине Эверсан, *женщине*, дозволено было лично заниматься делами кофейни «Старое гнездо».

Той самой, в которой сейчас стала полноправной хозяйкой я, леди Виржиния-Энн Эверсан.

Впрочем, все это лирика и бесплодные размышления о временах давно минувших. Кажется, я действительно позволила себе уйти *слишком* глубоко в траур по самому дорогому существу в моей жизни — графине Милдред Эверсан. Вряд ли когда-нибудь мне встретится человек, который заслужит такие же уважение, восхищение и любовь, какие я к ней испытывала.

— Да, миссис Хат, думаю, вы абсолютно правы, — вздохнула я. — Леди Милдред часто говорила, что горе и страдания живых не пускают мертвых на небеса.

Пухленькая кондитерша шумно вздохнула и набожно осенила себя священным кругом:

— Да покоится она в мире... Как ваша голова, леди Виржиния? Еще кружится?

Я встала и сделала шаг. Доски под пушистым ковром тихо скрипнули — почти неразлично для слуха. Как быстро стареют вещи! Подумать только, ведь этот дом был построен во времена бабушкиной молодости, именно для кофейни. Тогда на новеньком фасаде название смотрелось насмешкой — вот оно, знаменитое чувство юмора графини Эверсан.

А теперь «Старое гнездо» стало действительно старым.

— Немного кружится, миссис Хат, но это скоро пройдет. Мой отец тоже был склонен к обморокам. Да и мать не отличалась крепким здоровьем, — вынужденно признала я и добавила по привычке: — Да покоятся они в мире...

— Слишком много разговоров о покойниках сегодня, леди Виржиния, — вздохнула кондитерша, и ее пальцы вновь очертили круг. — Не к добру это. Может, спуститесь в зал и выпьете кофе? До открытия далеко.

Я осторожно одернула платье. Юбки немного замялись, но, увы, на то, чтобы переодеться в другой наряд, уже не оставалось времени.

— До полудня, конечно, далеко, но у меня есть и другие дела, — покачала я с сомнением головой. — Надо сперва зайти к парикмахеру, потом напомнить управляющему, чтобы он отправил письмо Хаммерсонам. Если арендную плату за ферму задержат еще на месяц, боюсь, нам придется расторгнуть соглашение. Да и кофе не слишком полезен для моего слабого сердца... Где шляпка с вуалью?

— Владелица кофейни, которая сама никогда не пьет кофе! Расскажешь кому — и не поверят, — улыбнулась миссис Хат, подавая мне черную широкополую шляпку. Семидесятидневный траур по покойной графине я уже растянула вдвое и не собиралась пока прекращать, хотя некоторые знакомые начали снисходительно посматривать на меня.

Пускай. Леди Милдред была достойна даже большего, чем четыре с половиной месяца траура.

— Не вздумайте раскрывать мои секреты, — шутливо пригрозила я кондитерше, закрепляя шляпку шпильками. Ох, уж эта мода... — Боюсь, для общества столь неожиданное развенчание представлений об обычных хозяйках кофеен станет слишком сильным ударом. Где шаль, миссис Хат?

— Внизу, на кресле, я думаю. Не лучше ли спросить Мадлен? Мэдди, ласточка моя, где шаль леди Виржинии? — крикнула кондитерша в коридор, приоткрыв двери.

Внизу что-то упало, а потом дробно застучали каблучки.

— Не стоило ее отвлекать, — только вздохнула я и, поправив шляпку в последний раз, быстро вышла из комнаты. — Внимания Мэдди, увы, хватает только на что-то одно... Боюсь, очередной чашке конец.

Что правда, то правда — посуды по вине нашей маленькой актрисы было попорчено немало. Но тем не менее Мадлен была совершенно замечательной девушкой — старательной, веселой, живой. Бронзовые кудряшки вечно плясали вокруг лица, колоколом вздувалась от бега коричневая юбка. Мэдди часто смеялась... но беззвучно. К нам, в кофейню, она попала уже немой, общалась только знаками, хотя грамоту — удивительно для девушки ее происхождения — знала преотлично и вдобавок умела писать красивым, округлым почерком.

Нам почти ничего не было известно о прошлом Мадлен, кроме того, что она приехала в Бромли, столицу, два года назад в надежде стать актрисой. Устроилась в одну из бромлинских трупп и вроде бы даже имела успех, но тут судьба окончательно отвернулась от нее. В одну из ночей после премьеры театр вспыхнул как спичка, а Мэдди нашли в подсобке, в подвале, избитую до неузнаваемости и со странными ожогами на ногах и на спине.

Тогда же у нее пропал и голос.

Впрочем, сейчас Мадлен уже несколько не сожалела о своей несостоявшейся сценической карьере и была вполне довольна местом разносчицы в одном из самых дорогих и элитарных кофейных салонов Бромли.

Мэдди встретила меня на нижней ступеньке и со старомодным реверансом протянула шаль — черную, как сажа. У меня были и цветные шелковые платки по последней моде, и подобающие благородной даме пелерины, однако для прогулок по городу я предпочитала именно простую шаль, чтобы не выделяться из толпы. А «хождение в народ» — именно то, чего всегда ожидали в свете от леди Милдред Эверсан и ее потомков.

— Спасибо, дорогая, — поблагодарила я девушку, и та расцвела улыбкой. — Георг здесь?

Мадлен на мгновение задумалась, а потом мотнула головой. Рыжие пружинки волос прыгнули из стороны в сторону, чиркнув по белой коже.

— Он вышел на улицу? — уточнила я. Девушка энергично кивнула. — Зачем?

Бледные, как у всех рыженьких, руки Мадлен птицами взлетели, очерчивая в воздухе странную вытянутую фигуру, указали за меня, а потом одна ладошка прижалась ко лбу, и Мэдди чуть откинулась назад. Живые карие глаза весело сверкали из-под ресниц. Кажется, все происходящее ее немало забавляло.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы разгадать пантомиму — за последний год я уже порядком поднаторела в расшифровке подобных представлений. Да и артистическим талантом небеса Мадлен не обделили. Если бы не печальное недоразумение, наверняка через пару лет весть о новой звезде театра облетела бы весь Бромли.

— Значит, Георг отправился на Спэрроу-плейс за лекарством для меня? — Мадлен хлопнула в ладоши и беззвучно рас-

смеялась, как всегда бурно радуясь моей догадливости. — Вот неприятность, я хотела с ним поговорить перед тем, как идти к парикмахеру... А времени дожидаться его возвращения уже нет. Поступим так, дорогая. — Я отступила к вешалке, собирая необходимые мелочи — зонтик-трость и скромную дамскую сумочку, в которой помещались только чековая книжка, батистовый платок и флакончик с нюхательной солью. — Когда Георг вернется, ты отдашь ему вот это, — из сумочки на свет божий был извлечен немного смятый лист бумаги. — Если управляющий, мистер Спенсер, появится в мое отсутствие, то пусть Георг напомнит ему о Хаммерсонах. О закупках специй из Восточного Бхарата мы поговорим позднее, благо намечается хорошая сделка с какао-зернами из Колони. Выкупим партию напрямую у поставщика. Таким образом получится сэкономить достаточно средств для...

Брови Мадлен задирались все выше и выше, пока девушка, не выдержав, не расчихикалась, прикрывая лицо письмом. Я с неудовольствием прервала свои размышления и, перекинув ручку трости через локоть, толкнула дверь.

Звякнули колокольчики.

— Всего хорошего, Мадлен. Полагаюсь на тебя! — Я в последний раз оправила шаль на плечах и шагнула на улицу.

— Леди Виржиния, уже уходите? Погодите, отлежитесь! — Каблуки миссис Хат тяжело застучали по лестнице. — Поберегите себя!

— Все в порядке! — крикнула я, обернувшись и наклонившись над порогом. Мадлен, пританцовывая, обходила прилавок, чтобы дожидаться Георга на кухне — наверняка он вернулся бы через черный ход. Кондитерша остановилась на полпути вниз, теребя в руках канареечно-желтый платок. — Не беспокойтесь обо мне, — махнула я рукой на прощание, вышла на улицу и заметила вполголоса: — Право же, слишком много волнений из-за простого обморока.

Весна в Бромли — это не только пение птиц и молодые зеленые листочки, но, увы, еще и грязь под ногами. «Город тысячи кэбов», к несчастью, слишком медленно превращался в город трамваев, редких пока автомобилей и метро. Лошади по-прежнему бодро тянули экипажи по мостовым. Весной, во время затяжных дождей, мешались в скользкую массу сено, земля и отходы. Здесь, в фешенебельном районе Вест-хилл, подме-

тальщики кое-как справлялись со своей работой, но внизу, в бедных кварталах, весной и осенью начинался сущий ад.

Впрочем, в промышленных районах приятного было мало круглый год — летом от заводской гари не продохнуть, а зимой едкий туман пробирал до костей.

Мой же путь лежал на другой конец города, в Ист-хилл, где располагались торговые кварталы, ипподром, театры и храмы. Быстрей всего было бы добраться до парикмахерской на автомобиле, но, к сожалению, я пока не нашла замену старому водителю Чейзу, уволенному месяц назад за злоупотребление элем. Да и доверия к этим «электрическим повозкам», появившимся на свет в один день со мной, я не испытывала. Уж лучше старый добрый омнибус. Сегодня погода побаловала бромлинцев солнышком, так что поездка на имперiale обещала доставить немалое удовольствие.

Металлический наконечник трости бойко цокал по мостовой в такт размашистым шагам — с моей «мужской» манерой ходить не могли сладить даже туфли на каблуке. Для любой другой леди это стало бы существенным недостатком, но мне, внучке «той самой графини Эверсан», дозволено было чуть больше, чем остальным. Увы, не так много, чтобы позволить себе носить в повседневности брюки, как это делали особенно смелые модницы с материка, но уже достаточно, чтобы смотреть на светских приемах собеседнику прямо в глаза, а не прятать взгляд за вуалью, и говорить именно то, что думаешь.

— Доброе утро, леди Виржиния! — окликнул меня на углу улицы сосед и постоянный поставщик фруктов для десертов, мистер Рой Салливан. — Опять с самого раннего утра — и по делам?

— На сей раз по личным, — улыбнулась я в ответ, вежливо склоняя голову. Этот немудреный знак внимания заставил Роя, грубоватого высокого мужчину в вечно мятом костюме, зардеться от удовольствия. Еще бы, беседовать так запросто с графиней! Мне-то эти разговоры большого труда не стоили, зато позволяли получить довольно внушительную скидку на самые свежие товары. — Однако надеюсь успеть вернуться к полудню и открыть кофейню в обычное время. Вы не обратили внимания, давно ли проезжал омнибус?

— Да с четверть часа назад... — Рой совершенно по-плебейски почесал рыжий затылок пятерней и тут же себя одернул, неловко скрещивая руки на груди. — Да вот же, следу-

ющий идет! Как бы мимо не проехал... Ну, не переживайте, леди Виржиния, я его остановлю.

Одарив мистера Салливана очередной вежливой улыбкой, я получила в награду омнибус, помощь при посадке и добрые пожелания напоследок:

— Удачного пути!

— Благодарю, мистер Салливан! До встречи!

Тренькнул звоночек, и омнибус покотил с горы к мосту через реку Эйвон.

Откровенно говоря, я не очень любила поездки на империале. Встречный поток воздуха трепал вуаль и задувал в уши, в прохладную погоду так и вовсе можно было простудиться... Но погожим весенним деньком, таким, как этот, в ранний час второй этаж омнибуса превращался в прекрасную обзорную площадку. Лошадиные копыта гулко перестукивали по мостовой, веял свежий ветер с разлившейся реки — свежий, но с еле заметной примесью запаха гнили. Народу на сиденьях пока было немного — пара девушек из достаточно приличных семей, судя по виду платьев, пожилой джентльмен в старомодном цилиндре с белой лентой и человек неопределенного возраста и занятий в потрепанном пальто. С недавних пор, когда стоимость билета резко упала с шести до двух рейнов, небогатые горожане стали чаще пользоваться омнибусами, и теперь в салоне и на империале можно было увидеть весьма разношерстную публику.

Впрочем, люди меня мало интересовали. А вот города... Наверное, это что-то наследственное. Леди Милдред могла часами говорить о городах, в которых побывала, о чужих землях...

Я же в свои неполных двадцать лет видела только Бромли и ближайшие его окрестности. И именно столице доставалось все мое восхищение. Сердце было покорено ею — раз и навсегда.

Думаю, с высоты Бромли напоминал миску с загнутыми краями. Восточные и западные холмы смыкались вокруг города кольцом. Здесь, на возвышенности, располагались респектабельные кварталы. В Ист-хилл была сконцентрирована духовная жизнь: театры и музеи, галереи и библиотеки, магазины, салоны, а самое главное — храм Святого Игнатия, покровителя города. Ближе к окраинам, близ Дэйзи-Раунд, уместился на пустыре ипподром.

Дома зажиточных бромлинцев рассыпались по Вест-хилл. Также здесь располагались лучшие кафе и кондитерские в столице. Цены за деликатесные сладости ломили немеренные, но, как правило, это того стоило. За витринами из цветного стекла можно было найти все что угодно — от тягучих медовых конфет с Востока до воздушных пирожных, приготовленных руками поваров, выписанных с самого материка. Конкуренция, что и говорить, кипела нешуточная, но, слава святой Роберте и моей бабушке, «Старое гнездо» всегда оставалось на ступень выше.

Еще бы — ведь только к нам заглядывали порой на чашечку кофе, сваренного по какому-нибудь хитрому рецепту, аристократы, члены парламента, а порою — уже четырежды за всю историю кофейни — даже Его Величество. По моему мнению, сомнительная привилегия, ведь хлопот каждый раз от подготовки к «королевским» вечерам — да помилуют небеса!.. Но в глазах общества визиты венценосной особы поднимали престиж заведения на недосягаемую высоту.

Ист-хилл и Вест-хилл были как золотые края по каемке бромлинского «блюдца»... Но само его содержимое оставляло желать лучшего.

В низине в центре города скопились бедные кварталы — неряшливые жилые дома с закопченными стенами, заводы и фабрики, грошовые кабаки и самые отвратительные притоны... Но о последних леди вроде меня, разумеется, знать было не положено. Единственное, что, на мой взгляд, оправдывало существование Смоки Халлоу — это мост через Эйвон.

Именно через него мы сейчас и переправлялись.

Солнце уже угнездилося высоко в небе — бледно-желтый сияющий шар. Над городом начала вновь скапливаться серая дымка, из-за которой Бромли называли иногда «Большой коптильней». Мусора и пьтен горючего с высоты, в сиянии отраженных солнечных лучей, видно не было, и поэтому речная гладь казалась выплавленной из блестящей голубоватой стали. Справа, за едва оперившимися зеленой листвою деревьями, чернели высокие фабричные трубы. Слева, на оставшемся далеко позади берегу сгрудились бедняцкие домишки с развешанным на крышах цветастым бельем и убогими чахлыми геранями на окнах. Мост взмывал на мощных опорах высоко в небо, а потом плавно опускался по дуге. На материке «Горб Эйвона» почитали за чудо света, и в многочисленных научных

трудах доказывалась сама невозможность его существования. Однако мост уже пятьдесят лет стоял себе и, образно выражаясь, плевать хотел свысока на все окрики недоверчивых.

Под уклон омнибус покатился веселее. Спустя четверть часа река осталась позади, и мы вплотную приблизились к Ист-хилл. Мне, к сожалению, нужно было сойти чуточку раньше, чтобы попасть на Барбер-лейн. Здесь и располагался любимый мною парикмахерский салон — одно из немногих мест, где леди с моим положением в обществе могла сделать стрижку за весьма умеренную цену. В «Локоне Акваны» трудились лучшие мастера своего дела, способные при помощи одних только ножниц сотворить настоящее произведение искусства. К сожалению, умельцы, работающие под началом мистера Паттерсона, никогда не выезжали к клиенту на дом — и в этом было особое очарование салона.

Выходя из омнибуса, я немного отвлеклась и наступила на подол платья немолодой женщины — явно обитательницы не самых благополучных районов, если не трущоб. Типичная джипси — закутанная в десяток разноцветных шалей, с тяжелыми золотыми кольцами в ушах, с корзинкой, полной мелочей, на локте, загорелая и с невымытыми темными волосами.

— Смотри, куда прешь, ворона черная! — разразилась она хриплой бранью. — Раз сама вся из себя франтиха — и по сторонам глядеть не надо, что ли?

— Простите, — сдержанно извинилась я, отступая с разошедшегося по шву подола. Ну и ветхая же ткань... Может, ссудить бедную женщину монеткой-другой? Хм... наличных денег я с собой не взяла, а с чеком в приличный банк такую особу не пропустят. — Не заметила.

— Пряма такая я неприметная! — фыркнула джипси, одергивая драную юбку, и наградила меня жгучим взглядом, не предвещающим ничего хорошего. — Вон, платье изодрала! У-у, так бы и врезала! Что люди скажут — Зельда-гадалка, как попрошайка, в рванье ходит?

— А вы меньше слушайте, что говорят, — посоветовала я, ускоряя шаг. Зонтик-трость застучал по мостовой сердито. Заводилась я быстро — фамильный нрав Валтеров. Тем более шантажисты мне не нравились никогда, а беседа скатывалась именно к вымогательству — это, простите за каламбур, и к гадалке не ходи. — Простите, я спешу.